

Д-р. ПОЛ ВЕРТ

Невадский университет, г. Лас-Вегас¹

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К КАТОЛИЦИЗМУ Вероисповедная принадлежность и гражданское состояние после 1905 года

Разрешив переход из православия в другие христианские исповедания и вероучения, указ от 17 апреля 1905 года предоставил многим людям, после долгих поисков, возможность узаконить вероисповедный статус, соответствовавший их религиозным убеждениям. Среди желавших оставить православие в пользу другого исповедания самую большую группу составляли люди, исповедовавшие католическую веру. Несмотря на ясное предписание указа о возможности перейти в католичество, на практике возник целый ряд затруднений, впоследствии обусловивших пользование предоставленным правом перехода.

Многие из затруднений касались способа официальной регистрации таких переходов и имели свои корни в конфессиональном характере Российской Империи. Если, с одной стороны, государство предоставляло разные преимущества Православной церкви, как «господствующей», то, с другой стороны, в деле управления страной оно также опиралось до известной степени на церкви и духовенства других исповеданий и религий². Духовные лица разных исповеданий фактически исполняли необходимые административные функции, среди которых

¹ Мне хотелось бы поблагодарить за ценные советы участников конференции «Конфессиональная политика Российской Империи в Литве и Белоруссии в XIX в.», состоявшейся в Вильнюсе в октябре 2003 г., в особенности Михаила Долбилова, Елену Филатову и Светлану Морозову. Признателен и Леониду Горизонтову, внимательно причитавшему доклад. За оказанную финансовую поддержку благодарю National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER), International Research and Exchanges Board (IREX) и University of Nevada, Las Vegas (Sabbatical Leave Committee и Department of History Travel Fund).

² О конфессиональном характере Российской Империи, см. R. Crews, *Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia*, *The American Historical Review*, vol. 108, N. 1 (2003), с. 50–83.

одной из самых важных было ведение актов гражданского состояния (метрических книг)³. Содержавшие существенно важные сведения о личности каждого гражданина, метрические книги имели большое значение для управления империей. Они занимали видное место в попытках государства навести «порядок» в брачных делах подданных разных конфессий, в наборе новобранцев в армию (особенно после реформы 1874 года) и в поступлении граждан в образовательные учреждения⁴. Таким образом, гражданское состояние всех подданных, т.е. возможность для них пользоваться известными гражданскими правами, зависело от принадлежности к той или иной признанной религии. Поэтому государство должно было относиться с особой заботливостью к процессу изменения вероисповедания.

Настоящий доклад ставит своей целью подробно рассмотреть проблему регистрации перехода верующих в католичество после 1905 г. Демонстрируется, что конфессиональные основы Российской империи – прежде всего тесная связь между вероисповедной принадлежностью и гражданским состоянием – глубоко обуславливали возможность граждан пользоваться религиозной свободой, предоставленной законодательными актами 1905 года.

Источники стремления к католицизму

К 1905 году насчитывалось довольно большое количество так называемых «упорствующих в латинстве», т.е. лиц, официально считавшихся православными, но в действительности исповедовавших католичество. Некоторые из них были католиками, обращенными в православие при сомнительных обстоятельствах в 1866–1868 гг.⁵ До тех пор, пока пе-

³ О метрических книгах вообще см. Ch. Steinwedel, Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia, в кн. J. Caplan, J. Torpey (ред.), *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices Since the French Revolution* (Princeton, 2001), с. 67–82; E. M. Avrutin, The Power of Documentation: Vital Statistics and Jewish Accommodation in Tsarist Russia, *Ab Imperio* N. 4 (2003), с. 271–300; P. W. Werth, In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order, готовится к печати в журнале *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*.

⁴ Ch. R. Freeze, Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia (Hanover, 2002), с. 75–76, 87–88, 110–115; J. Sanborn, Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925 (DeKalb, 2003), с. 2–22, 35, 77–79.

⁵ Д. Сталюнас, Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия; см. с. 307 настоящей публикации.

реход из православия в любое другое исповедание запрещался, такие люди могли только мечтать о том, чтобы стать католиками официально, тайно соблюдая, по возможности, обряды католической церкви. Другие были униатами, «воссоединенными» с православной церковью в 1839 г. или в 1875 г.,⁶ многие из которых имели неясную вероисповедную принадлежность даже до их «воссоединения». Дело в том, что, хотя правительство запрещало католикам «сворачивать» униатов в римский обряд, в разные времена некоторые униаты переходили в католичество и дети, родившиеся у родителей-униатов, иногда были крещены в «римской вере.» Неясность вносили также и «смешанные браки» униатов с католиками, так как закон не давал четких указаний на то, по какому обряду должны совершаться такие браки и, ещё важнее, какой вере должны следовать родившиеся от них дети⁷. Затруднения продолжались во многих случаях и после формального исчезновения униатской церкви в России. Духовенство – раньше униатское, а теперь уже православное – приписывало к своему исповеданию множество католиков, основываясь лишь на исторической связи этих людей с униатством. Только в 1898 г. правительство издало правила, ясно определившие стандарты для выяснения точного вероисповедного статуса бывших униатов⁸.

Поскольку «упорствующие» отказывались выполнять православные обряды, они часто посещали местные костелы, выдавая себя за ка-

⁶ Краткий обзор «воссоединений» представлен в статье Th.R. Weeks, The “End” of the Uniate Church in Russia: The Vozsoedinenie of 1875, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol 44, no. 1 (1996), с. 28–39; *его же*, Between Rome and Tsargrad: The Uniate Church in Imperial Russia, в кн. M.Khodarkovsky и R.Geraci (ред.), *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia* (Ithaca, 2001), с. 70–91. О «воссоединениях» конца XVIII века см. B.Skinner, The Empress and the Heretics: Catherine II’s Challenge to the Uniate Church, 1762–1796, *Ph.D. diss.*, Georgetown University, 2001, и М. О. Коялович, История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.) (СПб, 1873; переизд. Минск, 1999).

⁷ РГИА, ф. 821, оп. 2, д. 35; Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих (С. Петербург, 1906), с. 154–157; Л. Е. Горизонтов, Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (Москва, 1999), с. 84–85.

⁸ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 256, л. 123–123об. и 127об.–129, 137–144; Кн. Имеретинский, «Объяснительная записка к проекту временных правил для руководства при рассмотрении и решении вероисповедных дел бывших греко-униатов упраздненной Холмской Греко-униатской епархии», РГИА, печатные записки, папка № 643. См. также РГИА, ф. 1561, оп. 1, д. 23, л. 58–64 об.; Сборник материалов по вопросам о смешанных браках, с. 190–200; В. Шейн, К истории вопроса о смешанных браках, *Журнал Министертства Юстиции*, № 3 (1907), с. 231–273.

толиков, или тайно пересекали австрийскую границу и обращались за религиозными требами к униатским священникам в пограничных приходах Галиции. В некоторых местах даже возникло «совершенно новое явление: венчание без священника и учреждение рода гражданского брака между крестьянами»⁹. Разумеется, ни гражданские браки, ни браки православных, заключенные по обряду другого исповедания, не могли считаться государством действительными. На этом основании возникали весьма серьезные административные и юридические осложнения. Браки считались незаконными, дети – незаконнорожденными, и имущественные отношения стали существенно осложняться. При сборе новобранцев, за отсутствием метрики о крещении, нельзя было указать на религию молодых солдат. Вместо того «делались отметки о принадлежности таких новобранцев к числу упорствующих в латинстве, но эта формула вызывает вполне справедливое недоумение у военного начальства по вопросу даже о приводе к присяге»¹⁰. Во многих отношениях «упорствующие», как и «отпавшие» от православия крещеные татары, составляли внеисповедную группу¹¹.

Ввиду подобных осложнений, многие бывшие униаты надеялись на уступки со стороны государства. Уже в 1881 г. К. П. Победоносцев писал: «Не проходит ни одного политического события, ни одного сколько-нибудь замечательного общего правительственного распоряжения без того, чтобы с ними не связывали надежд на восстановление унии». Бывших униатов поддерживали не только местные католики, но и галицкие униатские священники, к которым они ездили за требами. В середине 1890-х годов Победоносцев повторил свою прежнюю характеристику положения «упорствующих»: «они из года в год живут надеждой, что рано или поздно им будет позволено перейти в католицизм<...> Всякое событие в общегосударственной жизни России возбуждает в них ожидание»¹².

⁹ РГИА, ф. 1561, доп. 1, д. 23, л. 53. Сборник материалов по вопросам о смешанных браках, с. 189; Th. R. Weeks, *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914* (DeKalb, 1996), с. 175.

¹⁰ Об этом сообщил Минский Губернатор в 1902 г. РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 252, л. 109 об.–110.

¹¹ Об «отпавших» крещеных татарах см. мою статью: *The Limits of Religious Ascription: Baptized Tatars and the Revision of "Apostasy", 1840s–1905*, *Russian Review*, vol. 59, N. 4 (2000), с. 493–511.

¹² Цитирована по статье А. Ю. Полунова, *Духовное ведомство и униатский вопрос: 1881–1894*, в кн. Л. Г. Захарова, П. А. Зайончковский, 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем (Москва, 1998), с. 263.

И действительно, подобно «опавшим» от православия крещеным татарам, «упорствующие в латинстве» часто обращались к императору и министрам с просьбами разрешить им исповедовать веру своих предков.

Начиная уже с 1880-х годов многие чиновники начали проявлять склонность к компромиссу. Даже Победоносцев должен был признать в 1881 г.: «Мы загнали сами себя в узкий коридор, из коего выхода нет». В своей известной «Записке» 1894 г. Николаю II Председатель Комитета Министров Н.Х. Бунге предложил разрешить «упорствующим» присоединиться к католичеству, поскольку иначе у народа могло сложиться понятие о возможности жить без религии. В том же духе начальник Минской губернии писал в 1902 г.: помимо всех административных затруднений, о которых речь шла выше, жизнь «упорствующих» «вне церкви и даже вне христианства» представлялась «ужасною с нравственной стороны <...> Молодое поколение растет в бездогматной атмосфере, лишено всякой духовной пищи и привыкает жить вне церкви, а этим создается удобная для полного безверия и распутства почва»¹³. Ввиду подобной ситуации и в других районах империи – в Прибалтийских и Поволжских губерниях, – появилось ощущение настоячивой нужды в реформе существовавшего религиозного порядка¹⁴.

Появление указа 17 апреля 1905 г.

После появления известного указа 12 декабря 1904 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» в правительственных кругах оставалось мало сомнений в том, что «упорствующим» следует разрешать свободный переход в католичество. Между тем, православные деятели еще надеялись, что смогут задержать бывших униатов в православии. В апреле 1905 г. викарный епископ в Холме Евлогий (Георгиевский) отправил в Петербург записку от имени представителей православного духовенства Люблинской и Седлецкой губерний, в которой

¹³ См. статью А.Ю. Полунова, с. 258; W.Rodkiewicz, Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire, 1863–1905 (Lublin, 1998), с. 33; РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 252, л. 110.

¹⁴ О ситуации в других местах см. А. Ю. Полунов, Под властью Обер-Прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III (Москва, 1996); P.Werth, At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905 (Ithaca, NY, 2002), с. 238–245.

он старался убедить правительство положить в основу униатского вопроса принцип того, что «упорствующие греко-униаты, как люди русские, никогда не исповедовавшие католичества, не могут быть признаны католиками»¹⁵. Полагая, что бывшие в «тяжкой трехвековой неволе» униаты «давно потеряли свою духовную свободу», Евлогий считал, что «официальное разрешение им быть католиками вовсе не будет дарованием им «свободы совести», а лишь актом окончательного закрепления над ними этого насилия»¹⁶. Несмотря на такой отзыв (который в любом случае был отправлен в Петербург слишком поздно), обнародованный 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» разрешил свободный переход из одного христианского исповедания, в том числе православия, в другое.

В своих воспоминаниях Евлогий утверждает, что «ни Варшавского архиепископа, ни меня не предупредили об указе, и он застал нас врасплох». В Киевской епархии также писалось, что закон этот «последовал слишком неожиданно и потому нельзя скрывать того обстоятельства, что мы, сельские пастыри, не успели еще подготовиться ни теоретически, ни практически к борьбе с католической пропагандой». Напротив, католическое духовенство, как объяснил один чиновник в 1911 г., «было очевидно вполне осведомлено о готовившемся акте и встретило его вполне подготовленным»¹⁷. Скорее всего это правда, поскольку Виленский римско-католический епископ фон дер Ропп находился 17 апреля 1905 г. в Петербурге и похоже уже до этого получил известие о предстоящем указе от лица, участвовавшего в обсуждении данного вопроса в Комитете Министров¹⁸.

¹⁵ В этом отношении Евлогий, наверное, опирался на слова самого императора, выраженные в связи с изданием правил в 1898 г., о которых речь шла выше: «Поляки безвозбранно да чтут Господа Бога по латинскому обряду, русские же люди искони были и будут православными и вместе с ЦАРЕМ своим и ЦАРИЦЕЙ выше всего Чтут и любят родную Православную Церковь» (РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 252, л. 101).

¹⁶ «Записка Евлогия об Униатском вопросе», РГИА, печатные записки, папка № 743, с. 6–7.

¹⁷ Митрополит Евлогий, *Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского)*, изложенные по его рассказам Т. Манухиной (Москва, 1994), с. 140–147; *Католическая пропаганда в Киевской епархии после дарования свободы вероисповеданий 17 апреля 1905 года* (Киев, 1908), с. 14; *Lietuvos valstybės istorijos archyvas* [далее LVIA], f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 152a. См. также отзыв Евлогия в РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2128, л. 10.

¹⁸ Сам епископ писал об этом генерал-губернатору в 1906 г. См. LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 53.

Появление указа, судя по всему, вызвало сильную тревогу на местном уровне. Одна православная помещица анонимно сообщила генерал-губернатору в Вильне, что православное население одной местности были «в сильном волнении и угнетенными до того, что православные крестьяне, не зная кому верить, к кому обратиться, просили меня заступиться за них <...>. Говорили они с полной уверенностью, что скоро все будут поляками, церкви будут обращены в костелы, русские власти заменены поляками, и этого убеждения их я не могла поколебать». Евлогий рисовал такую же картину: «Едва новый закон был опубликован – все деревни были засыпаны листовками, брошюрами с призывом переходить в католичество <...>. На местах было не только смущение, а настоящая паника». В некоторых случаях семейная жизнь расстраивалась, что имело важные последствия для общественного порядка. Один православный, например, обратился к своим единоверцам с таким заявлением: «моя жена и дочь перешли в католичество, католики вносят в наши семьи раздор, а потому мы, православные, должны устроить католикам погром, как жидам»¹⁹. В одном случае католическую веру приняли с согласия отца, православного священника [!], две его дочери, опасавшиеся, что иначе не смогут выйти замуж: в их селении в западном крае, где до 1905 г. не было и 5% католиков, за короткое время вовсе не осталось православных. Генерал-губернатор в Вильне сообщил в МВД, что с обнародованием указа «упорствующие» и «колеблющиеся» – все «стремительной волной хлынули обратно в католичество, увлекали своим движением и соприкасавшихся так или иначе с ними православных». По словам Евлогия, «Православие из господствующей религии стало в буквальном смысле гонимым и угнетаемым»²⁰.

С 1905 г. до начала 1916 г. из православия в католичество перешло почти четверть миллиона человек (249 818). За период с 1905 г. по 1912 г. можно привести такую ведомость по губерниям:

¹⁹ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 404, l. 7, 41; Митр. Евлогий, Путь моей жизни, с. 140–141, д. 404, л. 41. См. также LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 175, l. 1–2а.

²⁰ Л. Е. Горизонтов, Парадоксы имперской политики, с. 94; LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 24–25а. РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2128, л. 11. О борьбе между католичеством и православием см. также Р. Блобаум, Toleration and Ethno-Religious Strife: The Struggle between Catholic and Orthodox Christians in the Kholm Region of Russian Poland, 1904–1906, *The Polish Review*, 35, 2 (1990), с. 111–124.

Губерния	Количество переходов в католичество	% всех переходов в католичество
Варшавская	823	0,3
Люблинская	50 989	21,2
Сувалковская	14 761	6,1
Седлецкая	102 087	42,4
Итого (Царство Польское)	168 660	70,0
Виленская	27 903	11,6
Ковенская	1228	0,5
Гродненская	6249	2,6
Витебская	4831	2,0
Минская	16 425	6,8
Могилевская ²¹	1684	0,7
Киевская	2356	1,0
Подольская	5526	2,3
Волынская	6147	2,6
Итого (Западный Край)	72 349	30,0
По всей Империи	241 009	100,0

Рассмотрев данную ведомость, можно сделать вывод, что подавляющее большинство переходов (70%) отмечалось в Царстве Польском, причем около 42% – в одной Седлецкой губернии. Судя по всему, лишь меньшинство бывших униатов пожелали стать католиками даже после того, как это стало возможным. В целом около 74% всех переходов было совершено в 1905 г., т.е. более или менее сразу после появления указа²². Причем, имея в виду затруднения, связанные с регистрацией таких переходов (о чем речь пойдет ниже), эти данные следует считать лишь условными показателями количества переходов.

Судя по всему, со стороны «упорствующих» просьб о восстановлении униатской церкви и о желании стать униатами не было. Правда, в России появилось несколько русских духовных лиц, считавших себя католическими священниками восточного обряда и желавших создать иерархию, независимую от «латинян». О восстановлении Унии в России заговорили также в Ватикане после 1905 г. и к этому стремился Греко-Католический Митрополит в Галиции Андрей Шептицкий, инкогнито посетивший Россию в 1908 г. Правительство, рассматривая Унию

²¹ Сведений за 1912 г. не имеется.

²² РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 13, л. 1-1 об., 5-5 об.

как «средство совращения православных путем сознательного их обмана», считало, что восстановление Унии представлялось бы «ни чем иным, как допущением именно насилия над свободой совести доверчивых лиц». И особенно ввиду того, что Шептицкого в Петербурге считали проводником австрийской политики, направленной на отделение Украины от России, российское правительство ни в коем случае не могло согласиться на такое восстановление²³. В любом случае, если и наблюдалось некоторое стремление к такому восстановлению Унии со стороны единичных лиц, по большому счету бывшие униаты разделились на католиков и православных, даже если они и не вполне были уверены в своем выборе.

Вера и гражданское состояние

Казалось бы, апрельским указом четко было установлено, что вопрос о выборе вероисповедной принадлежности должны решать исключительно сами заинтересованные лица. В дальнейших обсуждениях, однако, возникло важное препятствие к осуществлению «свободы совести» в условиях конфессионального государства. Министерство Юстиции, которому было поручено разработать закон о регистрации переходов, определило важные, на его взгляд, ограничения религиозной свободы, предоставленной апрельским указом и Манифестом от 17 октября 1905 г.²⁴ Такая свобода, писало Министерство, «отнюдь не влечет за собою предоставления разрешения всех вероисповедных вопросов свободному усмотрению отдельных граждан». Делая такое заявление, Министерство имело в виду, прежде всего, способ ведения актов гражданского состояния в России. «[П]ри ведении у нас метрических книг духовными властями и происходящем вследствие того приурочении их к определенным вероисповеданиям, перемена религии ни в коем случае не может признаваться исключительным делом совести отдельных лиц, – как это наблюдается в тех государствах, в коих ведение актов гражданского состояния возлагается на административные орга-

²³ РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 661, л. 1–4, 34 об.–35; А. Ю. Бахтурина, Политика Российской Империи в восточной Галиции в годы первой мировой войны (Москва, 2000), с. 127–140; I. Muzycka, Sheptyts'kyi in the Russian Empire, *Morality and Reality: The Life and Times of Andrei Sheptyts'kyi*, ed. P. R. Magosci (Edmonton, 1989), с. 313–327.

²⁴ В указе говорилось лишь «об укреплении начал веротерпимости», между тем как Манифест провозглашал «свободу совести».

ны, – а неизбежно нуждается в твердой правительственной регистрации». Такое «весьма существенное значение» принадлежности каждого человека определенному исповеданию также имело своим последствием то, что провозглашенное начало свободы совести «отнюдь не может влечь за собою возникновение каких-либо новых, непризнанных действующими законами исповедных обществ, а тем более образования класса людей внеисповедных (*confessionslos*), то есть вовсе не принадлежащих к какому-либо из вероисповеданий». Имея в виду гражданские последствия религиозных переходов, Министерство Юстиции считало, что «предварительное производство» дел о переходе, имеющее своей целью установление наличности необходимых условий для таких переходов, должно было находиться в руках гражданских (лучше всего судебных), а не духовных властей. Таким образом, признавая глубокую заинтересованность государства в регулировании вероисповедных переходов, Министерство Юстиции заключило, что мнение гражданской власти в каждом случае должно *предшествовать* любым действиям духовной власти²⁵.

Департамент Духовных Дел Иностраных Исповеданий, которому было поручено осуществить «свободу совести» в законодательном порядке, не мог согласиться с таким мнением, полагая, что проектируемый порядок «носит несомненно ограничительный и стеснительный характер». В то время, как Министерство Юстиции рассматривал Манифест 17 октября, как *утверждение* уже предоставленной апрельским указом свободы, Департамент, напротив, настаивал на том, что провозглашенную Манифестом свободу совести «несомненно следует понимать как расширение дарованных Указом 17 апреля вероисповедных облегчений и как предоставление каждому лицу полного самоопределения в вопросах веры». Далее, Департамент отрицал предположение Министерства о том, что новые законы не позволяют образования новых исповеданий. Такое ограничение не вытекало из духа и смысла указа и Манифеста, и правительство «не только допускает возникновение новых инославных вероучений и сект, но в настоящее время озабочено установлением в законодательном порядке правил, определяющих условия возникновения и деятельности вновь учрежда-

²⁵ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 64 об.-68. Препровождая проект Министру внутренних дел, Министр Юстиции подчеркивал, что проект не подвергался окончательному обсуждению в его Министерстве и еще не был им одобрен (там же, л. 55). Поэтому этот проект отражает только предварительное мнение данного ведомства.

ющихся религиозных общин». По поводу способа рассмотрения наличия условий для перехода Департамент заключил, что признание в судебном порядке самого права перехода «представляет собою очевидно ничто иное, как скрытую форму предварительного разрешения гражданской властью предположенного перехода». Что касается самих условий для перехода, Департамент отметил, что «никаких условий в законе для перехода из одной христианской веры в другую не установлено, и единственное, что надлежит проверить, – это возраст переходящего в другое исповедание лица», т.е. достижение им совершеннолетия, что могло бы быть удостоверено без участия судебной власти.

Далее, Департамент выразил сильное сомнение в том, что предполагаемый Министерством Юстиции порядок встретит сочувствие со стороны заинтересованных лиц, «в особенности же, со стороны лиц, принадлежащих к низшим классам населения». Боясь всякой судебной процедуры, желающие перейти во многих случаях совершенно уклонялись бы от обращения в суд. В конце концов Департамент заключил, что переход должен быть предоставлен свободному взаимодействию заинтересованного лица и надлежащих духовных властей. Участие гражданских властей должно сводиться исключительно к наблюдению за правильной регистрацией совершившегося факта²⁶. Относительно метрических книг МВД подчеркивало, что обязательной записи в них подлежали такие события в жизни человека, в которых государство было заинтересовано ввиду со связанными с ними гражданско-правовыми последствиями. «Что же касается принадлежности иноверцев к тому или иному инославному исповеданию, то она представляется для государства совершенно безразличной». Имея в виду, что в конечном итоге дело это касалось больше всего МВД, Министерство Юстиции готово было передать ему разработку правил, тем более, что МВД в то время занималось составлением законопроектов, направленных на осуществление начал «свободы совести»²⁷.

²⁶ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 116–124 об., 128.

²⁷ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 152–153 об. Действительно, МВД готовило целый ряд законоположений, передавшихся в Государственную Думу в феврале 1907 г. Сами законопроекты собраны в сборнике «Католическая Церковь накануне революции 1917 года: сборник документов», ред. М. Радван (Люблин, 2003), с. 133–415. О законодательном процессе см. А. А. Дорская, Свобода совести в России: Судьба законопроектов начала XX века (Санкт-Петербург, 2001).

Таким образом, Министерство Юстиции указывало на весьма важную связь между вероисповедной принадлежностью и гражданским состоянием в России. МВД, в интересах осуществления «свободы совести», предполагало, что такая связь не должна стать препятствием возможности воспользоваться правами, предоставленными законодательными актами 1905 года. Разрабатывая законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», внесенный в Думу в феврале 1907 года, МВД даже не касалось вопроса о порядке регистрации таких переходов, предлагая следующее постановление: «Каждому, достигшему совершеннолетия, лицу предоставляется переходить, *без испрошения на то разрешения административной власти* [курсив мой. –П.В.], из одной христианской религии или христианского вероучения в другое»²⁸. Отдельно МВД готовило лишь правила для регистрации переходов, и в этом проекте оно предлагало содержание при каждом храме особой книги «о новоприсоединяющихся», которые подчинялись бы действовавшим законам о метрических книгах²⁹. Об этих правилах весьма положительно отзывались инославные духовные власти³⁰, и вообще следует признать, что МВД приложило известные усилия к тому, чтобы чисто формальные вопросы о регистрации переходов не препятствовали пользованию уже предоставленными гражданам правами. Однако, как мы теперь увидим, Министерство Юстиции несколько лучше понимало последствия тесной связи между вероисповедной принадлежностью и гражданским состоянием.

Регистрация переходов: когда католик есть католик?

Суть дела о переходах сводилась к тому, кто именно имел право определить вероисповедную принадлежность граждан и на каком ос-

²⁸ Законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода...», «Католическая церковь», с. 164.

²⁹ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 187 об.–188.

³⁰ Католический Прелат Викентий Ключинский, напр., выразил мнение, что этот проект «составлен так беспристрастно и удобноприменительно, что лучшего и желать невозможно». Вице-Президент Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консистории Конрад Фрейфельдт также назвал проектированные правила «вполне целесообразными». И тот, и другой предложил лишь мелкие поправки (см. там же, л. 195–195об. и 201–202).

новании. Казалось бы, что апрельский указ дал ясный ответ на этот вопрос: по достижении совершеннолетия «отпавшее» от православия лицо «признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало»³¹. Генерал-губернатор в Вильне К.Ф. Кршвицкий подтвердил в 1907 г., что «установление какого-либо особого разрешения для перехода из господствующей религии в какую-либо иную [христианскую. – П.В.] веру противоречило бы духу» апрельского указа³². Поэтому и в Петербурге и на местах власти признавали право свободного перехода из православия в католичество.

Два фактора, однако, обуславливали такое признание. Во-первых, увеличилась тревога властей по поводу католической «пропаганды», заметно усилившейся после обнародования апрельского указа. Оказалось, что ксендзы применяли все меры, чтобы привлечь оставшихся православных в смешанных местностях и особенно в смешанных браках в свою веру, уверяя сельское население, например, что сам Царь принял католичество и велел всем переходить в эту веру. Так, уже в 1905 г. Генерал-губернатор Северо-западного края жаловался епископу фон дер Роппу, что ксендзы «позволяют себе давать изданному по великодушному почину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Указу не подобающее оному толкование в смысле преимуществ ныне оказанных Верховной властью римско-католической вере пред православной»³³. На этом основании в правительственных кругах сложился особый взгляд на значение «свободы совести», предполагавший, что ее осуществление требует *защиты* совести многих людей от посягательств со стороны представителей других исповеданий. Таким образом, указывая на «общую склонность римско-католического духовенства к прозелитизму и пропаганде» в местностях «с неокрепшим еще в православии населением», министр внутренних дел А.Г. Булыгин выразил опасение, что «в корне будет нарушен основной принцип Указа [17 апреля. – П.В.] – предоставить каждому свободу исповедания веры, по собственному убеждению и совести». Генерал-губернатор в Вильне утверждал в 1908 г., что закон, «не препятствуя каждому руководиться в делах религии лишь велениями собственной совести, имеет однако

³¹ Полное Собрание Законов, 3-е собрание, № 26126 (17 апреля 1905), с. 258–259.

³² LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 62. Фактически генерал-губернатор лишь употребил фразу, уже появившуюся в циркуляре № 4628 (см. ниже).

³³ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 404, l. 9a.

долг и оберегать эту совесть от чьего-бы то ни было насильственного на нее воздействия»³⁴. Таким образом, поскольку понятие «свобода совести» не подразумевало свободы «пропаганды» или «сращения», государство имело право оборонять совесть своих граждан, и прежде всего православных, от нападений со стороны последователей других религий, особенно ввиду «фанатической стремительности» и «полного презрения» католичества к правам других исповеданий³⁵.

Второй фактор являлся результатом недоработок самого правительства и обнародования апрельского указа без малейшего указания на то, как должны будут производиться такие переходы в официальном порядке. С одной стороны, конечно, правительство не могло предвидеть всех затруднений, могущих возникнуть в связи с установлением нового порядка³⁶. С другой стороны, накануне реформы сам Департамент признавал наличие до 100 000 «упорствующих» в одном Царстве Польском³⁷, и было понятно, что при первой же возможности эти люди поспешат закрепить за собой желаемый вероисповедный статус. Тот факт, что ни Департамент, ни другое правительственное ведомство сразу не давали никаких указаний на порядок перехода, нельзя не признать огромным упущением, создавшим весьма сложную ситуацию: не считая себя обязанными больше ждать после появления указа, желавшие перейти немедленно стали обращаться к католическому духовенству об их принятии в это исповедание. Как потом объяснил Тельшевский римско-католический епископ: «Не представлялось возможным ни отклонять таких ходатайства, могущи-

³⁴ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 209 об., 250.

³⁵ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 209 об. Разумеется, православные духовные лица и их сторонники особенно активно развивали такое понятие «свободы совести». См., напр., М. Красножен, К вопросу о свободе совести и о веротерпимости (Юрьев, 1905); его же, Границы веротерпимости, в *Прибавлениях к Церковным ведомостям*, 34 (20.08.1905), с. 1429–1432; О безусловной свободе вероисповедания в России, *Холмско-Варшавский епархиальный вестник*, 18 (1905), с. 214–216; Корен, Свобода совести, или инквизиция, *Холмско-Варшавский епархиальный листок*, 39 (25.09.1905), с. 469–471.

³⁶ Они касались, например, вопросов об условиях перехода малолетних и несовершеннолетних; об условиях для перехода в нехристианство; о законном статусе браков, совершившихся до 1905 г. по католическому обряду между лицами, официально являвшимися в то время православными, и т. д.

³⁷ См., напр., «Записку об отпавших из православия в иноверие» исправляющего должность директора ДДДИИ М. Э. Ячевского, РГИА, печатные записки, папка № 2349. Такая цифра (100 000) появляется нередко в переписке чиновников (напр. РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 252, л. 112 об.).

вированные ссылками на ВЫСОЧАЙШИЙ указ о свободе совести, ни предоставить каждому священнику свободу в определении порядка присоединения». Поэтому католические епископы вынуждены были сами установить правила для принятия числявшихся православными в католичество. В Виленской епархии такая инструкция появилась спустя всего лишь 4 дня после издания апрельского указа (т.е. 21 апреля), и в ней предписывалось, чтобы желающие принять католичество обратились письменно к епископу и были внесены в приходские списки подлежащего костела по получении указа от виленской католической консистории³⁸.

Правительство, однако, не хотело допустить такие распоряжения к практическому осуществлению, «как потому, что распоряжения эти, составляя предмет ведения государственной власти, не могут быть основаны на одних лишь канонических постановлениях, так и оттого, что ими устанавливался-бы разнообразный порядок не только для различных исповеданий, но даже и в отдельных римско-католических епархиях»³⁹. Из-за срочной необходимости введения единого порядка в этом отношении, а также нужды в мерах пресечения католической «пропаганды», МВД было уполномочено Комитетом Министров составить временные правила, регулирующие это дело. Последовавший 18 августа 1905 г. циркуляр № 4628 считался временной административной мерой, которую впоследствии собирались заменить в законодательном порядке. Однако, на самом деле, он регулировал вероисповедные переходы в Российской империи вплоть до 1917 года и, можно сказать, стал неотъемлемой частью указа от 17 апреля 1905 года.

Следует отметить, что вводя этот циркуляр в действие, правительство не стремилось создать какие-либо искусственные препятствия к перемене исповедания. В самом циркуляре говорилось, что апрельский указ «предоставляет каждому свободное избрание веры. Отсюда, установление какого-либо особого разрешения для перехода из православия в какую-либо иную веру противоречило бы духу указа.

³⁸ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 1, 72; LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 404, l. 6; РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 218, 233. Подобная инструкция появилась в Тельшевской епархии несколько позже, но все-таки относительно быстро, 27 мая 1905 г.

³⁹ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 540, л. 3–3 об. (Циркуляр Департамента № 4628 от 18 Августа 1905). Действительно, порядок, установленный в двух католических епархиях – Тельшевской и Виленской, – до некоторой степени отличался, хотя общее направление было одно и то же.

Таким образом, дело сводится к установлению лишь известной регистрации переходов из православия в другие исповедания с подчинением ее ведению административных властей». Авторы циркуляра оговорили лишь то, что признавалось необходимым «установление некоторого промежутка между подачею заявления и окончательным присоединением отпавшего [от православия. – П.В.] к избранной им религии, дабы дать возможность увещания отпадающего со стороны православного духовенства»⁴⁰. Сверх того, когда МВД предложило сделать разницу между лицами, давно уже уклонившимися из православия (напр. «упорствующими»), и лицами «в действительности православными», но впоследствии пожелавшими перейти в другое исповедание, Комитет Министров отрицательно отнесся к этому предложению, полагая, что такое разделение отпадающих, требующее создания двух разных порядков для перехода, не вытекает из апрельского указа. С этой точки зрения, апрельский указ отождествлял «возвращение» и обращение в инославие⁴¹.

Циркуляр № 4628 установил следующий порядок: лицо, желающее перейти из православия в инославное христианское исповедание, должно было обратиться с заявлением к Губернатору, который служил бы посредником между православной и инославной властями. До препровождения заявления на усмотрение инославных властей православное духовенство имело возможность произвести увещание «отпавшего», но в любом случае Губернатор должен был передать заявление инославному начальству не позднее чем в течение месячного срока со дня его получения. «Отпавший» подлежал исключению из православия после его присоединения к инославному исповеданию⁴². Таким образом, установленный порядок обеспечивал право увещания для православного духовенства (но только в течение месяца) и тесно связы-

⁴⁰ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 540, л. 3 об. (18.08.1905).

⁴¹ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 59–60 об., 249–249 об.; РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 252, л. 170 об. Ситуация была иной в отношении нехристианства. В таком случае «переход» оставался незаконным и «возвращение» в нехристианскую веру разрешалось лишь числявшимся до 1905 г. православными, но «в действительности» исповедовавшим иноверие лицам, при наличии конкретных условий. См. P. Werth, *The Limits of Religious Ascription*, с. 508–509; его же, *Arbiters of the Free Conscience: State, Religion, and the Problem of Confessional Transfer after 1905*, в кн. *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia*, ред. Н. Coleman, М. Steinberg (Bloomington: Indiana University Press), готовится к печати.

⁴² РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 540, л. 4 (18.08.1905)

вал исключение из одного исповедания с присоединением к другому. Процесс перехода должен был начинаться с обращения заинтересованного лица к Губернатору, а не к духовным властям.

Вообще говоря, если циркуляр и использовал такие далеко не нейтральные термины, как «отпадение» и «отпавший», он все же подходил к вопросу прежде всего с точки зрения улучшения административной эффективности и с целью выполнения духа апрельского указа. Однако у него был существенный недостаток: он появился только через 4 месяца после издания апрельского указа, так что до начала сентября у местных властей вообще никакого руководства по этому вопросу не было. Даже когда МВД сообщило епископу Роппу в начале июня, что правила, изданные им (епископом), являлись «преждевременными», оно не разъясняло, что именно Ропп должен был сделать с людьми, обращающимися к нему с желанием перейти. Имея в виду сам апрельский указ, разрешивший переход православных в инославие без всяких условий, католические власти уже приняли многих людей в католичество, и таким образом, появилась масса людей, перешедших в католичество без соблюдения правил циркуляра № 4628, но вполне убежденных в том, что они теперь являются католиками официально. Будучи причисленными к католичеству, но еще не исключенными из православных метрических книг, эти люди фактически принадлежали к двум исповеданиям одновременно. Что с ними следовало делать?

Не касаясь той стороны дела, что регистрация нескольких десятков тысяч случаев перехода, с соблюдением всех требований циркуляра № 4628, «сильно затрудняла бы администрацию», Генерал-губернатор А.А. Фрезе отметил, что «какое-бы то ни было воздействие на уже отпавших, поселило бы теперь в умах неразвитых народных масс уверенность в том, что власти пытаются всячески, вопреки Высочайшему Указу, затруднить их переход в католичество или намереваются возвратить их в православие. А это в свою очередь вызвало бы в Северо-западном крае такое общенародное движение, которое бы всколыхнуло его до самого дна и бедственные последствия коего были бы неисчислимы». МВД по существу согласилось с этим мнением, разъясняя, что в случае переходов до получения циркуляра «не представляется вовсе надобности прибегать к строгому выполнению всей процедуры сношений с духовенством, а достаточно сообщать о состоявшемся переходе подлежащей православной духовной власти». Власти, таким образом, были готовы создать, как бы неофициально, уп-

рощенный порядок для регистрации уже совершившихся переходов, требующий не увещевания, а лишь заявления Губернатору для уведомления православного духовенства и для «соответственных отметок в документах»⁴³. Иначе говоря, вопреки указаниям Комитета Министров, МВД предложило своим подчиненным провести разницу между «возвращающимися» в католичество, т.е. давно уже уклонившимися из православия, и «обращающимися», т.е. пожелавшими перейти в католичество только после апреля 1905 г. После этого можно было бы подчинить все переходы условиям циркуляра № 4628 и, таким образом, привести ситуацию в порядок.

Дело, однако, не обстояло так просто. Когда Генерал-губернатор Северо-западного края попросил католические власти сообщить списки лиц, уже принявших католичество, епископ Ропп уклонился, опасаясь подвергнуть таких лиц «гонениям» со стороны православного духовенства и «подстрекаемого им народа». Сверх того, по отзывам местных властей, католическое духовенство еще долго не соблюдало циркуляра № 4628, применяя к делу порядок, ранее установленный епископами. Виленскому Губернатору было известно присоединение свыше 20 000 православных лиц, «однако из них решительно никто не заявил ни мне, ни полиции о желании перейти из православия в римско-католическое исповедание». Католическое духовенство не разъясняло заинтересованным лицам, что они должны были обратиться к Губернатору и что «присоединение может состояться лишь по получении от меня сказанного заявления»⁴⁴. Кажется, что католические епископы, во всяком случае к осени 1905 г., знали о существовании циркуляра № 4628. Что касается приходского духовенства, сказать трудно. Циркуляр не был опубликован ни в «Правительственном вестнике», ни в «губернских ведомостях», и вместо него действовали распоряжения местных епархиальных властей вплоть до сентября 1908 г., т.е. *три года после его издания!*⁴⁵

Проникая еще глубже в эту ситуацию, мы можем сказать, что в корне дела стоит вопрос: в чем именно состояла вероисповедная принадлежность в Российской империи? И в этом отношении обязательно нужно еще раз вернуться к вопросу о влиянии вероисповедной при-

⁴³ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 24–26 a.

⁴⁴ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 48 a.

⁴⁵ В других епархиях духовенству было сообщено о циркуляре только чуть раньше. РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 218, 233–233об. LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 88.

надлежности на гражданские права и о конфессиональной основе актов гражданского состояния в России. С этой точки зрения, каждый вероисповедный переход должен был состоять из двух актов: перемены религии и изменений в документах о гражданском состоянии.

Католические епископы предполагали, что установленный ими порядок относился только к первому акту. Как объяснил епископ Ропп Генерал-губернатору Кршвицкому, апрельский указ предоставлял решение по вопросам веры «свободному определению личности», и в самом циркуляре № 4628 прямо было указано, по словам Роппа, что он «не касается существа данной ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ 17 апреля милости, а лишь порядка регистрации». Ропп подчеркнул, что его распоряжение «никакой регистрации законной не касалось, а определяло единственно внутри-костельный порядок и регистрацию лиц признающих свою принадлежность к известному приходу». Забота о законной регистрации, продолжал он, предоставлена самим переходящим лицам, «но не составляет обязанности ни моей, ни подведомственного мне духовенства». В заключение Ропп предложил, чтобы административные власти сами отвечали за сложившуюся ситуацию: «Если со стороны частных лиц сравнительно редко является желание провести правильно законную регистрацию, то это объясняется единственно печальным недоверием охватившим все наше население к полицейским и православным духовным властям»⁴⁶. Тельшевский епископ оценил ситуацию таким же образом. Регистрация «влечет за собой известные последствия в гражданско-правовой сфере присоединенного лица, которое само и должно позаботиться о регистрации». По мнению епископа, регистрация была возможна лишь *после* состоявшегося присоединения, составляющего дело духовной власти. На этом основании епископ заключил, что его инструкция «с одной стороны обеспечивает совершенную свободу присоединяющегося лица в выборе веры, а с другой – сообщением о присоединении подлежащим властям дает полную возможность произвести т. наз. «регистрацию» перехода». Сверх того, он обвинил саму административную власть в нарушении циркуляра № 4628, поскольку она не передавала ему дела о переходе «в установленный циркуляром месячный срок»⁴⁷. Таким образом, епископы настаивали на том, чтобы их действия, относящиеся к чисто духовной сфере и выполняющие дух апрельского указа, не находились в проти-

⁴⁶ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 53–54.

⁴⁷ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 72–74.

воречии с циркуляром № 4628 и не имели, собственно говоря, гражданских последствий. «Регистрация» была делом заинтересованного лица и администрации и должна была последовать за актом присоединения, производимого духовенством.

С одной стороны, трудно согласиться полностью с таким заявлением. Епископам удобно было настаивать на разделении религиозного и гражданского актов и утверждать, что их распоряжения касаются только «внутри-костельного порядка». Однако, ввиду того, что именно метрические книги, находившиеся в руках духовной власти, определяли гражданское состояние каждого гражданина, такое разделение выглядит неубедительным. Как разъяснил Сенат в 1880-е годы, «Ведение метрических книг, хотя возложенное на духовенство <...> не преследует никаких специальных вероисповедных и вообще религиозных целей и книги эти, заменяя собою, в пределах Империи, гражданскую регистрацию населения, имеют значение общегосударственное, Государственное, как акты, которыми удостоверяется состояние каждого лица»⁴⁸. Далее, епископы в своих отзывах подразумевали, видимо, что духовные лица являются исключительно церковными служащими, не имея конкретного отношения к государству. Но такое мнение вряд ли соответствует действительности. В правительственных кругах речи об отделении государства от церкви – или, вернее, *от церквей* – не было. Как писало МВД в одном из своих законопроектов 1907 года, всем признанным исповеданиям «присвоено самим законом значение государственных учреждений». Поэтому, если, с одной стороны, «Охранение неприкосновенности их прав и свободы составляет по закону <...> прямую обязанность администрации», то, с другой стороны, духовные лица этих исповеданий «считаются состоящими на государственной службе, а потому <...> несут и обязанности и ответственность, сопряженные с государственной службою»⁴⁹. Безусловно, одной из самых важных государственных обязанностей духовных лиц являлось ведение метрических книг, и эта обязанность не отменялась апрельским указом. Епископы, кажется, должны были понять, что даже провозглашение «свободы совести», без введения гражданской метрикации, не изменит тесную связь между религией и гражданским состоянием.

⁴⁸ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 773, л. 108 об.

⁴⁹ Законопроект МВД «Об инославных и иноверных религиозных обществах» (23.02.1907), *Католическая церковь*, с. 235.

С другой стороны, в иных отношениях трудно не согласиться с заявлениями епископов. Апрельский указ *действительно* оставлял решение по делам совести каждому отдельному человеку, и циркуляр № 4628 *действительно* исключил установление «какого либо особого разрешения» для перехода. Кажется, что установленный епископами порядок можно было совместить с основными положениями циркуляра. Сверх того, нельзя сомневаться в том, что правительство само создало для себя известные затруднения тем, что не приложило к самому апрельскому указу руководства к производству переходов, сильно опоздало с изданием циркуляра № 4628 и в конечном итоге никогда не заменило эту временную административную меру указанием, получившим силу в законодательном порядке. Генерал-губернатор указывал именно на последнее обстоятельство, как существенное препятствие к подчинению действий католических властей нужному регулированию. Кршивицкий таким образом препроводил письмо епископа Роппа П. А. Столыпину в мае 1906 г., «как характерную иллюстрацию той позиции, которую твердо заняло местное р.-к. духовенство в вопросе о порядке перехода из православия в католичество, пользуясь тем обстоятельством, что последний регулируется не законом, изданном [-ым. – П.В.] в установленном порядке, а лишь циркуляром по сему предмету». Кршивицкий обратился и к другим ведомствам, настаивая на том, что «в высшей степени было бы желательно область отношений католицизма к православию поставить в возможно скорейшем времени в строго правовые рамки, покоящиеся на точных законодательных, а не административных нормах». Варшавский Генерал-губернатор, ввиду разных затруднений в отношении порядка изменения актов состояния переходящих лиц, также просил о скорейшем законодательном решении этого вопроса⁵⁰. На подобные замечания Петербург отвечал лишь сообщениями о разработке в МВД законопроектов, имевших целью решить все вопросы, связанные с осуществлением «свободы совести».

На самом деле, это было не совсем так. Как мы отметили выше, законопроект о вероисповедных переходах не включал в себя указания на порядок их регистрации. Трудно объяснить этот пробел, но, кажется, он был связан с тем, что Святейший Синод сильно задерживал дело. Составив правила для регистрации переходов, Департамент передал их на рассмотрение Синода в ноябре 1906 г. Вероятно, Депар-

⁵⁰ LVIA, f. 378 (BS, 1905), b. 403, l. 55, 58; РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 150–150 об.

тамент надеялся получить отзыв Синода через непродолжительное время, чтобы включить правила в названный законопроект. Впрочем, к февралю 1907 г., когда целый набор законопроектов о свободе совести был готов к внесению в Думу, Департамент, возможно, счел, что дольше задерживать проект о переходах нельзя, и поэтому отправил его в Думу без правил о регистрации. В любом случае законопроект о переходах никогда не стал законом из-за несогласия между Думой и Государственным Советом (прежде всего по поводу вопроса о возможности перехода христиан в нехристианство)⁵¹. Департаменту также не удалось ввести проектируемые правила в действие в качестве временной меры. Таким образом, циркуляр № 4628 остался главным руководством по вопросу о регистрации⁵². Между тем, с 1909 г. началось новое ожесточение мер в отношении иностранных исповеданий, так что католические епископы коллективно жаловались в конце 1911 г., что «распоряжениями и мероприятиями министра внутренних дел религиозная жизнь и церковная деятельность подвергаются постепенно усиливающимся стеснениям и ограничениям»⁵³.

Вследствие того, что преемник Роппа наконец-то, в октябре 1908 г., обязал приходское духовенство соблюдать циркуляр № 4628, прошения о переходе в католичество, поданные после этого, были правильно зарегистрированы согласно циркуляру. Нельзя, однако, сказать, что создалось удовлетворительное положение. Во-первых, как жаловался Святейший Престол, этим циркуляром (и другими распоряжениями) власти «изменили смысл и дух Указа о веротерпимости, который не навязывал лицам, желающим оставить официальную Церковь, трудоемких и бесполезных формальностей, введенных

⁵¹ О дальнейшей судьбе законопроекта см.: РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 265; А.А.Дорская, *Вопрос..*, с. 91–106.

⁵² Мариан Радван ссылается на указ МВД от 10 октября 1908 г., «фактически отменяющий решение» циркуляра № 4628 (с. 34). В своей работе я такого указа не встречал. Судя по дате названного указа и по материалам, изложенным в следующем абзаце и в других частях настоящего доклада, этот указ, вместо того, чтобы отменить циркуляр № 4628 (долго игнорировавшийся на месте), наоборот, наконец-то *применил* его к делу. Действительно, именно 10 октября 1908 г. католическому духовенству Могилевской, Витебской и Минской губерний был прямо объявлен циркуляр № 4628. Во всяком случае в дальнейших рассуждениях говорилось только об этом циркуляре, а не о других, заменяющих его указах.

⁵³ Меморандум Могилевского митрополита Викентия Ключинского и католических епископов (31.12.1911), *Католическая церковь*, с. 418.

впоследствии»⁵⁴. Во-вторых, переходы людей, принятых в католичество в 1905 г., еще не были официально зарегистрированы. В результате этого Департамент находился в неудобном положении: с одной стороны, он признавал, что большая часть лиц, перешедших после апреля 1905 г. поступала добросовестно, желая лишь воспользоваться дарованными им правами: «При таких условиях выход из создавшегося положения, без сомнения, представляет затруднения, и образ действия правительства должен отличаться особою осторожностью и обдуманностью». С другой стороны, эти переходы все же нуждались в законной регистрации. Поэтому в 1909 г. Департамент осторожно задал вопрос местным администраторам: можно ли уже теперь требовать от фактически перешедших лиц выполнения предписываемых циркуляром № 4628 формальностей?⁵⁵

Местные власти отозвались отрицательно. По мнению Варшавского Генерал-губернатора Георгия Скалона, циркуляр № 4628 нисколько не отменял действия самого апрельского указа, который вовсе не требовал, чтобы переход православных в другое исповедание признавался состоявшимся лишь по исключении их из православных метрических списков. Отсутствие в указе правил о порядке регистрации переходов не должно было лишать эти переходы характера законности. Угроза признания таких переходов незаконными вследствие несоблюдения формальностей «явится в глазах населения прямым нарушением Высочайшего Указа 17 апреля 1905 г.» и предполагаемое требование «даст агитаторам возможность распространить в населении слух, что правительство намерено ограничить этим Высочайший указ о веротерпимости, и, что еще хуже, даст им возможность внушать населению мысль, что Указ 17 апреля 1905 г. будет со временем совсем отменен». Виленский Губернатор Д. Н. Любимов согласился, что требование выполнения правил циркуляра «могло бы быть несомненно истолковано, как попытка вновь принудить к возвращению в православие и как мера произвольная»⁵⁶.

⁵⁴ Меморандум Святейшего Престола Русскому Правительству (1913), *Католическая церковь*, с. 463.

⁵⁵ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 218–219. «Записка членов Государственного Совета Мейштовича, Скирмунта и Лопацинского о лицах римско-католического вероисповедания, до сих пор не зарегистрированных, и о судьбе детей от смешанных браков, когда один из супругов переходит в вероисповедание другого» (15 января 1915), РГИА, печатные записки, папка № 743, с. 2–3.

⁵⁶ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 220–226.

Ввиду отсутствия законной регистрации многих переходов возникали разные неудобства для перешедших лиц и местного католического духовенства. Несмотря на то, что они фактически исповедовали католичество еще задолго до 1905 г., перешедшие теперь подвергались увещанию, иногда произвольно удлиняемого срока. Поскольку они еще считались православными, их браки с католиками, совершившиеся ксендзом, не признавались действительными. В Минской губернии полиция стала отнимать у перешедших паспортные книжки с отметкой об их принадлежности к католичеству. Местные жители, считавшие себя католиками во всех отношениях, привлекались к ответственности за то, что обращались к ксендзу для крещения своих детей или хоронили своих умерших на католических кладбищах. Ученикам в гимназиях было объявлено, что они должны подвергнуться испытанию в знании Закона Божьего не по католической вере, им знакомой, а по чуждой, православной. Католические священники также привлекались к ответственности за «исполнение духовных треб лицам заведомо православного исповедания»⁵⁷. Разъясняя выражение «заведомо православный», Государственный Совет определил в 1906 г., что под этим выражением надлежит понимать тех, «кто по актам своего состояния значится православным или должен быть крещен и воспитываем в православной вере». На этом основании, Кассационный Департамент Сената пояснил в 1910 г., что «числящиеся по актам состояния православными должны считаться заведомо православными до тех пор, пока они не будут по актам же состояния перечислены в другое исповедание»⁵⁸.

Лишь протест со стороны трех католических членов Государственного Совета в январе 1915 г. привел к окончательному разрешению вопроса о вероисповедной принадлежности этих лиц. Собрав обширный материал по этому вопросу и указывая на всю тяжесть положения бывших «упорствующих», авторы записки обратили внимание на военную обстановку в стране и ее значение для решения данного вопроса: «Крайне важно, чтобы люди, с оружием в руках отстаивающие честь и достоинство своей Родины и ежечасно рискующие своей жизнью, могли бы спокойно взирать на будущее своих семейств, будучи уверены, что ничто не угрожает ни их совести, ни их религиозным

⁵⁷ «Записка членов Гос. Совета», с. 3-10, д. 260, л. 231 об.

⁵⁸ «Записка членов Гос. Совета», с. 6, 73.

воззрениям»⁵⁹. Однако последовавший в июле 1915 г. циркуляр (№ 4392) не мог полностью удовлетворить бывших «упорствующих». Только перешедшие до 1 ноября 1905 г. были освобождены от требования выполнить формальности циркуляра № 4628, и только они могли считаться католиками со дня «фактического присоединения» их к католическому исповеданию⁶⁰. Но даже для этих лиц такое признание не было автоматическим. Они должны были подать заявление местному Губернатору о своем переходе, с удостоверением местных католических властей об их присоединении и доказательством своего совершеннолетия ко времени перехода. Сверх того, Губернатор должен был обратиться к местному православному начальству для выяснения того, не было ли данное лицо после присоединения к католичеству у православного духовенства для совершения каких-либо таинств и действительно ли не намерено оставаться в православии. Таким образом, не говоря уже о том, что волокиты в таком порядке было бы не меньше, чем по циркуляру № 4628, признание перехода в католичество, судя по самим правилам, зависело бы от удостоверения отпадения православным духовенством⁶¹. Главная ирония этих правил, однако, заключается в том, что многие бывшие «упорствующие» скорее всего не получили даже теоретической возможности зарегистрировать свои переходы по этому циркуляру, поскольку к концу лета 1915 г. большинство из них уже находилось под оккупацией центральных держав⁶². Что творилось во время этой оккупации, мне неизвестно, хотя можно полагать, что немцы и австрийцы не особенно заботились о том, чтобы задерживать кого-либо в православии.

Заключение

Следует признать, что большинство из желавших перейти в католичество после 1905 г. воспользовались правами, предоставленными

⁵⁹ «Записка членов Гос. Совета», с. 10. Авторами были Александр Мейштович, Станислав Лопацинский и Константы Скимунт.

⁶⁰ Не было указано точного основания для применения к делу именно такой даты (1 ноября 1905 г.). Говорилось лишь в общих чертах об условиях местных сношений.

⁶¹ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 238–240 об.

⁶² Циркуляр был издан 17 (30) июля 1905 г. Буквально на следующий день (31 июля 1905 г., по новому стилю) Холм, центр униатской церкви до 1875 г., был взят австрийскими войсками.

апрельским указом, и были признаны государством католиками. Нельзя, однако, отрицать, что многим людям, отказавшимся задолго до 1905 г. от православия, к католичеству пришлось идти длинным и трудным путем. В конечном итоге решающий голос в определении вероисповедной принадлежности граждан Российской империи оставался за правительством.

Можно было бы предположить, что правительство, на самом деле, никогда не хотело предоставить российским гражданам настоящую религиозную свободу и что оно поэтому мало-помалу отменило действие апрельского указа разными стеснительными распоряжениями, особенно после 1909 г. Такой взгляд не лишен некоторой истины. Ведь, даже в самых радикальных своих высказываниях о «свободе совести» Департамент не отрицал формально «господствующего» положения православной церкви⁶³. Соответственно, определенные привилегии для православия, например, исключительное право прозелитизма и преимущества в отношении смешанных браков, сохранились и после 1905 г. Циркуляр № 4628 установил срок для «увещания», вовсе не упомянутый в апрельском указе. В законопроекте о переходах МВД утвердило, что «полная религиозная свобода в том объеме, в каком она выступает в теоретических требованиях ее защитников, мыслима только при полнейшем индифферентизме государства к религии. Между тем, такое безразличное отношение государства к религии едва ли допустимо»⁶⁴. Как до 1905 г., так и позже, правительство видело в своих западных губерниях продолжение ожесточенной, многовековой культурной борьбы между «русским делом» и «полонизмом», ведущейся, между прочим, на конфессиональной почве. Такой взгляд, безусловно, должен был ограничивать степень предоставлявшейся религиозной свободы. Думаю, мы не ошибемся, если заявим об условии и неустойчивости стремления правительства к осуществлению «свободы совести» и о своеобразности его понимания этой ключевой концепции начала XX века в России.

В то же время, однако, приводимые выше материалы свидетельствуют о том, что такие выводы рисуют упрощенную картину сложной ситуации. Несмотря на ожесточение в конфессиональной политике государства с 1908 г. (тем более после убийства Столыпина в 1911 г.), даже в 1909 г. власти считали невозможным требовать от уже перешедших

⁶³ См., напр., подготовленную в Департаменте Справку о свободе совести (С. Петербург, 1906).

⁶⁴ Законопроект «Об изменении законоположений...», *Католическая церковь*, с. 144.

лиц выполнения формальностей циркуляра № 4628. Судя по переписке 1905–1909 гг., действия властей не были направлены, собственно говоря, к препятствию переходов, а прежде всего к их «законной регистрации», которая считалась необходимостью по существовавшему тогда порядку ведения гражданских актов. Даже необходимость установления месячного срока для «увещания» была вызвана прежде всего желанием правительства удостовериться в обдуманности и сознательности решения перейти в другую веру и в отсутствие принуждения или насилия посторонних лиц в этом решении. Когда выяснилось, что бумаги не передавались по назначению в течение месяца, как требовалось по циркуляру № 4628, Столыпин заявил всем губернаторам, что месячный срок является «крайним пределом» для передачи заявления⁶⁵, несмотря на то, что православные духовные власти часто не успевали даже найти переходящее лицо, не говоря уж о том, чтобы делать ему какие-либо «увещания». Многие затруднения в процессе перехода возникли, как мы уже выяснили, вследствие неполной обдуманности принятых правительством решений.

Обстоятельства, препятствовавшие созданию удовлетворительного порядка для регистрации переходов, имели свои глубокие корни в практических затруднениях, вытекавших из конфессионального характера системы ведения актов гражданского состояния. Поскольку метрические книги велись духовными лицами, государство было сильно заинтересовано в вероисповедной принадлежности каждого гражданина. Именно поэтому, как утверждало Министерство Юстиции в 1906 г., «едва ли представляется возможным предоставить отдельным частным лицам – даже при господстве самой широкой свободы совести – ничем неограниченное право перехода из одного исповедания в другое»⁶⁶. Государство могло бы относиться безразлично к вероисповеданию своих граждан и тем более к порядку перехода из одного исповедания в другое только при введении в стране гражданской метрикации. Хотя речь о таком введении и зашла после 1905 г., пока что она могла оставаться только теоретической, так как государство, по всей видимости, еще не было в состоянии принять на себя такую большую административную работу и не было готово узаконить атеизм признанием «класса людей вне-исповедных»⁶⁷. В конечном итоге, для

⁶⁵ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 252, л. 215 (Циркуляр № 1934 от 18 марта 1908 г.)

⁶⁶ РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 260, л. 65.

⁶⁷ Законопроект «Об изменении законоположений...», *Католическая церковь*, с. 145–146.

осуществления «свободы совести» требовалось не только, чтобы государство отказало православной церкви в сохранении ее «господствующего» положения, но также, чтобы оно отказалось и от своих конфессиональных основ, устраняя всю зависимость гражданско-правового положения своих граждан от вероисповедной принадлежности.

SUNKUS KELIAS Į KATALIKYBĘ:
TIKYBA IR PILIETINĖ PADĖTIS PO 1905 m.

Paul Werth

Santrauka

Dauguma norėjusių pereiti į katalikybę vadovavosi 1905 m. balandžio 17 d. įsaku, reguliuojančiu perėjimą iš vienos konfesijos į kitą. Tačiau valdžia buvo linkusi, kad lemiamas balsas renkantis tikyba būtų valdžios. Galima manyti, kad Rusijos piliečiams ji niekad nenorėjo suteikti tikybos religinės laisvės. Nuo 1908 m. valdžios konfesinė politika dar labiau sugriežtėjo, ypač reikalauta pilietinių aktų „teisėtos registracijos“.

Kadangi metrikų knygos buvo rašomos dvasininkų, valdžiai labiausiai rūpėjo kiekvieno piliečio tikyba. Ji galėjo nekreipti dėmesio į savo piliečių tikyba ir į jų perėjimą iš vienos konfesijos į kitą tik tuo atveju, jei šalyje būtų įvesta civilinė metrikacija. Tačiau tai liko tik teorinio lygmens, nes valdžia dar nebuvo pajėgi imtis tokio administracinio darbo ir nebuvo pasirengusi įstatymiškai įforminti ateistų kaip „netikinčiųjų žmonių“ klasės.

THE DIFFICULT ROAD TO CATHOLICISM:
FAITH AND THE POLITICAL SITUATION AFTER 1905

Paul Werth

Summary

The majority of those wishing to convert to the Catholic faith tried to follow the April 17, 1904 decree, regulating the conversion from one confession to another. However, the authorities were inclined that they should have the final say in the selection of religions. One can think that it never wanted to grant freedom of religious beliefs to Russian citizens. From 1908 the confessional policies of the authorities became even more strict, especially requiring the “legal registration” of civil acts.

Because the registry books were written by the clergy, the authorities were very concerned with the faith of every citizen. It had to pay attention to the faith of its citizens and their conversion from one confession to another only in the case that civil registration would be introduced in the state. However, that remained only a theoretical matter, because the state was not yet able to take over such an administrative task and was not prepared to legally enroll atheists as a class of “non-believing people”.